

Ї ѣѣ ѣѣѣѣѣ ѣѣ. ѣѣ. ѣѣѣѣ ѣѣѣѣ ѣѣ ѣѣѣѣѣѣѣѣѣѣ ѣѣѣѣ ѣѣѣѣ

ПСКОВСКОМУ КРАЮ, и в особенности Пего архитектурным памятникам с начала XX в. и вплоть до Великой Отечественной войны «повезло» в том, что они пользовались вниманием ряда известных столичных специалистов, и особенно Константина Константиновича Романова – человека редкого таланта и разносторонних способностей. Он был историком, архитектором, искусствоведом, реставратором, художником, археологом, краеведом, хотя преобладал все же в нем архитектор и историк архитектуры. Всю свою жизнь он прожил в Петербурге-Петрограде-Ленинграде: там родился, учился, работал, ушел из жизни, но своей деятельностью был постоянно тесным образом связан с Псковской землей.

Константин Константинович Романов родился 28 сентября 1882 г. в семье врача, в 1901 г. экстерном окончил Царскосельскую гимназию, в 1902 - 1909 гг. обучался на архитектурном отделении Высшего художественного училища Императорской Академии художеств. Уже в период учебы, с 1905 г. он включался в состав экспедиций по исследованию русского зодчества. Так, он привлекался П.П.Покрышкиным к совместному исследованию древних памятников Ферапонтова (1905 г.) и Тихвинского (1907г.) монастырей, по приглашению Б.Б.Фармаковского участвовал в раскопках по линии чертежных работ в Ольховке (1907 - 1909 гг.). В 1908 г. Комитет по изучению Средней и Восточной Азии поручил ему обследование мечети Рух-Абад и медресе Улугбека в Самарканде. В год окончания учебы К.К.Романов был избран действительным членом Русского Военно-исторического общества, а в 1910 г. – действительным членом Русского археологического

Филимонов Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры русской истории Псковского госпедуниверситета им. С.М.Кирова

общества и утвержден член-корреспондентом Императорской археологической комиссии. По окончании учебы он приступил к самостоятельным работам в области изучения древнерусского зодчества: проводил многолетние исследования Георгиевского собора в Юрьеве Польском (1909 - 1915 гг.), ряда памятников Владимиро-Суздальской Руси, в 1910 г. участвовал в раскопках Н.Я.Марра в Гарни, в 1912 - 1915 гг. был членом комиссии по реставрации храма Василия Блаженного в Москве.

В 1911 г. К.К.Романов был причислен к этнографическому отделению Русского музея, а со следующего года стал одним из его хранителей. В 1912 г. он был избран членом-сотрудником Общества любителей древней письменности и утвержден членом и управляющим делами Комитета Попечительства о русской иконе.

Во всех указанных учреждениях и обществах работа К.К.Романова, как и участие его в различных комиссиях и экспедициях, протекала одновременно, а вдобавок ко всему он вел преподавательскую деятельность в ряде учебных заведений: с 1911 г. – в Археологическом институте, с 1912 г. – в училище рисования Штигица, на курсах высших архитектурных знаний (1914 - 1915 гг.). Остается только поражаться работоспособности К.К.Романова, разнообразию и обилию видов его деятельности.

Вскоре после окончания учебы он впервые побывал в Псковской губернии. В 1911 г. по заданию Военно-исторического общества и Императорской археологической комиссии он совершил поездку по Вологодской и Псковской губерниям с целью изучения памятников архитектуры и собирания музейного материала. Во время экспедиции он провел обследование крепостных сооружений Изборска, высказав свою точку зрения на время их постройки: «Общее расположение башен между прясами говорит скорее за раннюю постройку башен, когда огнестрельная защита еще не была сильно развита». В следующий раз, уже в 1913 г. он проводил обследование Гремячей башни в Пскове.¹

В том же году Псковское археологическое общество, занятое подготовкой к очередному XVI археологическому съезду, местом проведения которого должен был стать Псков, решило привлечь к проведению своих мероприятий и К.К.Романова. 26 марта 1913 г. секретарь ПАО Н.Ф.Окулич-Казарин направил ему следующее предложение: «Ввиду предстоящего в 1914 г. XVI археологического съезда ПАО намерено в сентябре с.г. устроить археологические курсы», и просил К.К.Романова принять участие в них «путем чтения лекций».² Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, однако, не позволила провести задуманный археологический съезд.

Но даже в годы войны деятельность К.К.Романова по обследованию и изучению псковских памятников не прекращалась, а связи его с ПАО, напротив, даже упрочились. На общем собрании 14 июня 1914 г. член ПАО Г.М.Казак сообщил о том, что «между Нижними решетками и Возводскими воротами есть следы древней плитняной кладки какого-

то укрепления», предположив, что это было одно из мест сражения со шведами в 1615 г. «Место это было указано известному знатоку древних крепостных сооружений, члену Императорской археологической комиссии К.К.Романову, который признал его заслуживающим внимания».³

20 декабря 1914 г. К.К.Романов присутствовал на общем собрании ПАО, где слушался доклад Н.Ф.Окулич-Казарина «Новые данные по топографии и истории Пскова». При обсуждении его Почетный член общества С.И.Зубчанинов предложил собранию «ходатайствовать об ежегодном казенном пособии на поддержку, охрану и исследование псковских укреплений». Мысль эта нашла поддержку не только членов общества, но и К.К.Романова, предложившего для положительного решения вопроса заручиться заключением Императорской археологической комиссии, а испрашиваемую сумму рассчитать «по среднему количеству ежегодных разрушений стен и башен». После проведенных подсчетов получилась необходимая на год сумма – 7730 руб. «Постановление было принято Императорской археологической комиссией весьма благосклонно», и оно обязалось «оказывать всяческое содействие ПАО».

26 марта 1915 г. в Пскове состоялось заседание специальной комиссии с участием членов Императорской археологической комиссии К.К.Романова и П.П.Покрышкина, Псковского губернского предводителя дворянства С.И.Зубчанинова, секретаря ПАО Н.Ф.Окулич-Казарина, архитекторов Н.Н.Клименко, А.А.Подчекаева и др. Они произвели осмотр псковских укреплений, причем наиболее тщательно были осмотрены западная стена Кремля, башни Кутедрома, Варлаамовская наугольная, Покровская, Михайловская, место бывшей Свинорской башни, бастионы, все ворота на участке между Покровскими и Сергиевскими воротами. С особым вниманием обследовалась Покровская башня с прилегающим участком стены и бастионом, а также подземные ходы – «слухи». Комиссия высказалась за необходимость починки цокольных частей башен и некоторых участков стен, закрытия бойниц железными ставнями, но главное заключалось в том, чтобы сохранить «крепостные сооруже-

ния в том виде, в каком они находятся», и то, что они «требуют тщательного исследования и очень осторожного ремонта».

Комиссия при осмотре укреплений не оставила без внимания одно обстоятельство, «неприятно поражающее глаз как жителя Пскова, так и всякого случайно заезжего посетителя»: это украшение Ольгинского моста в виде надформенных башен», которые «совершенно не отвечают стилю моста и грубо нарушают красоту общего вида на реке Великой, с его древними церквями, монастырями и древними башнями». Поэтому комиссия занесла это наблюдение в акт и высказала желание удалить эти «украшения».⁴

В следующем, 1915 г. комиссия в составе П.П.Покрышкина и К.К.Романова вторично обследовала Покровскую башню в Пскове, что было связано не только с изучением состояния памятника, но и с тем, что на нее стали претендовать ряд религиозных и просветительских организаций (Покрово-Никитский приходский совет, Псковское латышское общество и др.), предлагавшие приспособить башню либо под религиозно-просветительские нужды, или же для проведения культурно-просветительных мероприятий (лекций, собраний, устройства библиотеки), и даже под жилье, обещая при этом провести ремонт памятника. Псковское археологическое общество ответило на эти предложения отказом, отметив, что «древние стены и башни принадлежат не городу, а государству». П.П.Покрышкин и К.К.Романов тоже высказались за непригодность башни для жилого помещения. По заявлению К.К.Романова, «Покровская башня среди псковских является второю по значению и интересу, в ней должны сохраниться очень ценные детали, и, вероятно, именно с нею связан подземный ход, идущий здесь вдоль наружной стены. Устройство в ней каких бы то ни было жилых помещений не мыслимо без искажений старых ее форм – узких окон, определенных стен, пола; неизбежно устройство отопления. Размеры башни невелики, и является непонятным, чем она так заинтересовала местные просветительные учреждения».⁵ В результате всяческие претензии на использование Покровской башни были отвергнуты.

Указанные примеры участия К.К.Романова в изучении и решении судьбы архитектурных памятников Псковщины, сотрудничество его с ПАО вызвали большое уважение к нему со стороны членов общества, и 2 мая 1915 г. Н.Ф.Окулич-Казарин направил ему следующее послание:

«Ваша неустанная энергичная деятельность на пользу русской археологии, Ваши многоценные научные труды и постоянное внимание, оказываемое Вами ПАО, побудила последнее на общем собрании 27 апреля единогласно просить Вас оказать ему честь принятием на себя звания его Почетного члена... Просим принять уверение в совершенном почтении и преданности».⁶

Согласие, очевидно, было получено, т.к. с 27 апреля 1915 г. К.К.Романов числился Почетным членом ПАО.⁷

Осенью 1915 г. Императорская археологическая комиссия поручила К.К.Романову и П.П.Покрышкину обследовать состояние Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря. Проведенный ими 3 апреля 1916 г. осмотр памятника привел к неутешительным выводам, выявил ужасающие факты его состояния: пол в алтаре покрыт водой, лужи в храме смерзлись в ледяную корку, наружные и асфальтовые отмостки были неисправными, а стены пропитывались влагой. Комиссия после этого просила псковского епископа: «Ввиду того, что скопление воды в соборе и у стен его очень вредно стенописи, не отказать сделать распоряжение о незамедлительном удалении из собора льда и воды и подтвердить начальству монастыря о необходимости неукоснительного исполнения данных указаний о надлежащем проветривании».⁸

Но, как показали последующие обследования, ситуацию в соборе коренным образом изменить не удалось.

Разносторонней и плодотворной оставалась деятельность К.К.Романова и в первые послереволюционные годы: как и раньше, он был сотрудником ряда научных учреждений и преподавал в нескольких учебных заведениях. Вскоре после Февральской революции К.К.Романов был назначен товарищем председателя Совета по делам искусств при Временном правительстве, а уже после Октябрьской революции, в 1918 г. стал чле-

ном Коллегии Наркомпроса по делам музеев и охране памятников искусства и старины, в 1917 - 1919 гг. был действительным членом Археологической комиссии, а в 1919 г. после преобразования ее в РАИМК, стал ее действительным членом; до 1921 г. оставался хранителем этнографического отдела Русского музея, в 1917 - 1918 гг. являлся директором училища Штиглица, вел преподавательскую работу в Академии художеств, в институте истории искусств, в психо-неврологическом институте, в археологическом институте, где был профессором и деканом, а после слияния последнего с университетом в 1923 - 1928 гг. был профессором Ленинградского университета.⁹

С первых послереволюционных лет К.К.Романов проявлял постоянный и устойчивый интерес к историческому прошлому Псковского края и его культурным богатствам. Особое внимание его привлекали памятники архитектуры Пскова и губернии, а также Пушкинские места.

В 1918 - 1921 гг. под его руководством и при непосредственном участии восстанавливались покрытия на соборе Снегогорского монастыря и ряде церквей, ремонтировалась кровля над Солодежной и др. О состоянии четырех памятников – здания архиерейского управления, Солодежни, домов Яковлева и Мейера – К.К.Романов в апреле 1919 г. информировал отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины.¹⁰ «В Новгороде и Пскове помимо указанных работ, – отмечал К.К.Романов, – было обращено большое внимание на памятники древней живописи на дереве... Во Пскове обследовано и частично закреплено около 150 икон. Реставрация велась специалистами-мастерами и собственной мастерской отдела музеев, переданной затем в ведение Русского музея, при постоянном участии Русского музея».¹¹

В один из приездов в Псков К.К.Романов 22 сентября 1921 г. принял участие в заседании ПАО, которое возобновило свою деятельность. Был заслушан доклад его и заведующего Псковским музеем Г.М.Казакова о недавно открытом в Опочке памятнике древней живописи – иконе евангелиста Луки, писанной псковским автором в XVI в.¹²

Хотя церковь больше не препятствовала производству восстановительных работ (храмы в большинстве своем оставались действующими, но стали собственностью государства), положение с охраной древностей не улучшалось. Представители новой власти не спешили заниматься охраной и изучением псковского церковного зодчества, ряд храмов остались совсем без наблюдения и лишились какого бы то ни было элементарного ухода, что приводило к их разрушению и разграблению. Нередко в этом участвовали и сами государственные органы.

Состояние многих архитектурных памятников Пскова К.К.Романов уже в начале 1920-х гг. признавал катастрофическим, и в многочисленных докладных записках в различные организации призывал обратить на них серьезное внимание. «В Пскове постепенно разрушается знаменитая крепостная стена, выложенная из плиты и обходящая весь город, – сообщал он, например, в одной из записок. – Стены Пскова по их историческому значению можно сравнить лишь с московскими укреплениями, но псковские сохранили лучше свой древний состав. Также осыпаются и гибнут стены пригородов: Острова и Гдова, и города Порхова. В соборе Мирожского монастыря каждый год вода весною стоит на полу лужами, а иногда попадает и при разливах реки Великой. Собор покрыт цементной штукатуркой и имеет цементные отмокотки, что мешает дыханию стен, задерживает в них влагу и содействует разрушению...».¹³

Во время своих приездов в Псков в 1921 - 1922 гг. К.К.Романов провел ряд показательных экскурсий по памятникам старины города, организованных экскурсионной станцией, открытой в ноябре 1921 г. в помещениях Мирожского монастыря. Во время ознакомления с памятниками экскурсантов он особо акцентировал их внимание на бережное отношение к старине, на необходимость принятия экстренных мер к ее спасению.¹⁴ Продолжал он информировать об этом и различные инстанции.

После очередного приезда 15 - 22 сентября 1923 г. он изложил свои «соображения по поводу виденного в Пскове» в специальной докладной записке в РАИМК: «Прове-

дены большие работы по временному закреплению осыпающихся памятников живописи в церквях и музее Поганкиных палат. Были составлены списки подлежащих закреплению икон, но лишь небольшая часть их (около 30 - 35) была укреплена в прошлом году Г.М.Казаковым и мастерскими Петроградского археологического отдела. В текущем году временно закреплены посредством наклейки бумаги на осыпающуюся часть живописи около 300 икон. Работа проводилась мастерскими иконно-реставрационной мастерской (находится в ведении Русского музея) и двумя учеными из Пскова. Незаконченные работы продолжаются.

Здание Солодежни покрыто кровлей, и в нем почти закончены все каменные работы. Кроме того, три стены Солодежни и ее крыльцо покрыты новой облицовкой, изготовлены переплеты для застекления, и можно надеяться, что к зимнему времени все здание будет приведено даже в пригодный к музейному использованию вид... Необходимо для окончания работ дополнить облицовкой четвертую стену и переложить в ней небольшой участок цоколя.

Несмотря на проведенные работы, положение псковских памятников следует считать тяжелым, в особенности в архитектурном отношении... Летом текущего 1923 г. на островке против Гремячей горы разрушилось здание кожевенного завода, и под его развалинами открылись остатки другого сооружения: выглядят полуподвалом, но ранее это были подземные сооружения. Обращает внимание большая комната квадратного плана с одним круглым столбом внутри – редкий пример комплекса гражданских сооружений...».

В качестве первоочередных, безотлагательных мер К.К.Романов предлагал исправить кровлю на соборе Спасо-Мирожского монастыря XII в., перекрыть кровлю собора бывшего Снетогорского монастыря и его колокольни, закончить начатые в 1921 г. работы по церкви Николая от Каменной ограды – покрыть кровлей притвор, укрепить некоторые части стен, а также сделать какое-либо покрытие здания хлебопекарни у Гремячей горы, стоявшего уже несколько лет без кровли.¹⁵

Приезжал К.К.Романов в Псков для изучения состояния памятников, их обсле-

дования и принятия первоочередных мер для охраны и в 1924 - 1926 гг. Так, во время пребывания в Пскове 23 - 26 августа 1925 г. он обратил внимание на то, что административным отделом были переданы «Госпромцветмету» и вывезены на завод «Красный выборжец» в Ленинград несколько колоколов, среди которых оказались и имевшие «выдающееся историко-художественное значение» – два больших колокола Мирожского и Снетогорского монастырей и один с колокольни церкви Климента, относящиеся к первой четверти XVI в. Узнав, что им грозит переплавка, он просил правление РАИМК обратиться в музейный отдел Главнауки «с просьбой принять меры к тому, чтобы древние колокола, до сих пор висящие во многих церквях Пскова и губернии, а также в Гдове, не постигла участь этих колоколов», а последние, если они еще не переплавлены, срочно взять под охрану.¹⁶

Неизвестно, чем закончились старания К.К.Романова, но далеко не все, что касалось охраны памятников, а тем более колоколов, зависело от него. Доказательством этому является то, что во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. колокола закрытых храмов отправлялись на переплавку в массовом порядке.

Еще в 1921 г. К.К.Романов обратил внимание и на такой уникальный памятник, как церковь в Мелетове, расположенную в 42 км от Пскова. Оказавшись там, по его признанию, «случайно», он подробно осмотрел древнее здание и «установил отличную сохранность памятника в его древних архитектурных частях». Летом 1925 г. К.К.Романов приехал в Мелетово уже специально с комиссией (Е.А.Пистелькорс, Л.М.Шуляк и др.), проведя тщательные обмеры и зарисовки. Оказалось, что еще в 1913 г. рядом со зданием древней церкви (в 20 м от нее) была выстроена новая каменная церковь. Старый храм оказался приходу ненужным, его забросили, не отапливали и не проветривали, и к 1925 г. последствия этого проявились особенно зримо: побелка начала осыпаться, целыми пластами отставала масляная окраска, и под ней оказались древние фрески, которые наряду с архитектурой храма и предстояло исследовать экспедиции К.К.Романова. Дважды побывал он в Мелетове и в 1926 г. (с ним были аспи-

рант ГАИМК В.А.Богусевич и хранитель Псковского музея живописи И.Н.Ларионов), произведя подробный осмотр фресок и сделал их фотоснимки.¹⁷

К.К.Романов вел оживленную переписку с заведующими Псковским музеем – сначала с Е.М.Тихвинским, затем с А.К.Янсоном. Когда последний задумал подготовку путеводителя по Пскову, то в конце 1924 г. обратился за отзывом на него именно к К.К.Романову. «Я рискнул, и предполагаю написать небольшую книжку «Общеобразовательные экскурсии по г.Пскову», в которой дам схему экскурсий... – писал А.К.Янсон. – Такая книжка, по-моему, весьма необходима для многочисленных экскурсантов, которые от Пскова получают самые хаотические впечатления... Старые «Спутники» сообщают много интересного для ученого, приезжающего во Псков впервые, но абсолютно не дают системы. В наше время нужна система в марксистском духе. Принимая во внимание все это, я и рискнул написать руководство к экскурсиям по Пскову.

Но т.к. на свой авторитет я слишком мало надеюсь, то очень бы просил, чтобы Вы предварительно прочли мой труд (небольшой, страниц 30) и дали свой отзыв. Если Вас это не затруднило бы, я послал бы Вам рукопись на просмотр, когда закончу его».¹⁸

К.К.Романов поддержал идею А.К.Янсона об издании его работы, но вышла она только в 1927 г. тиражом в 2 тыс.экз. («Псков в его прошлом») и представляла собой «пособие по общеобразовательным экскурсиям по г.Пскову».

С 1923 г. К.К.Романов возглавлял Особое совещание при Центральном бюро краеведения (ЦБК), ведавшее вопросами охраны Пушкинских мест Псковской губернии, а с образованием Общества друзей Пушкинского заповедника (1925 г.) вошел в состав его Правления.¹⁹ Когда в середине 1920-х гг. в печати стали появляться заметки о «разрушениях» в Пушкинском заповеднике,²⁰ то с целью ознакомления с положением дел на месте из Ленинграда был командирован К.К.Романов. По возвращении оттуда он сделал доклад на заседании Комиссии по охране Пушкинского уголка при АН СССР. Особое внимание К.К.Романов обратил на состояние

могилы А.С.Пушкина, отметив, например, следующее: «Памятник на могиле Пушкина слегка покосился к востоку. Причину следует, вероятно, искать в оседании горы, на которой он находится... На обелиске нет креста, утраченного, по словам В.В.Тимофеевой-Починковской, еще до революции... На западной стороне памятника ложная арка из белого мрамора дала две, пока незначительные, но тем не менее опасные в будущем трещины... Калитка железной решетки, окружающей памятник, была утрачена, в настоящее время поставлена другая калитка, по-видимому, из готовой металлической решетки...».²¹

Таким образом, состояние могилы поэта не было идеальным, но ничего особенно угрожающего К.К.Романов тоже не обнаружил. Сообщения печати оказались сильно преувеличенными. Сбылись лишь его опасения относительно оседания могильного холма: 5 июня 1927 г. вследствие этого обрушилась часть внутренней монастырской стены – с северной стороны, на протяжении десяти сажен. Пришлось начать экстренные работы по восстановлению ограды и укреплению холма.²²

По пути в Пушкинские места в конце августа 1926 г. К.К.Романов побывал и в Пскове, где выступил с лекцией «Псков, Новгород и Москва в старину».²³ В основу ее, скорее всего, был положен доклад ученого, сделанный 18 мая 1924 г. на годовом собрании РАИМК и оформленный затем в виде статьи «Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях» (опубликована в 1925 г. в «Известиях РАИМК»). «В последнее время, – писал в ней К.К.Романов, – работами сотрудников Разряда древнерусского зодчества АИМК и моими личными удалось установить, что, во-первых, нельзя говорить об едином «новгородско-псковском» зодчестве XIV - XV вв.; что, во-вторых, уже в XIV – начале XV вв. существуют три области будущего Великорусского государства – Московская, Новгородская и Псковская – с резко выраженными, обособленными формами; что, в-третьих, эти архитектурные формы находятся в сложных взаимоотношениях ранее 1474 г. и позднее имеют еще вполне ярко выраженные местные черты».²⁴ К.К.Романов остановился на основных формах зодчества в

трех отмеченных областях, отметил их специфику и типичные черты (арки, одностолпные одноглавые храмы и др.), привел конкретные примеры (например, в церкви с. Мелетово), рассказал об участии псковских мастеров в строительных работах в Москве и других городах.

Лекция была организована Псковским обществом краеведения, с которым у К.К.Романова установились тесные деловые связи. 24 апреля 1926 г. Центральное бюро краеведения заслушало его доклад о командировке в Псковскую губернию, где К.К.Романов ознакомился с состоянием краеведческой работы в Пскове, Порхове, Торопце, Холме и Опочке, а также Пушкинского уголка. «В последнем дело обстоит без перемен и не может быть признано удовлетворительным, – отметил он. – Необходимо усиление штата, в особенности в летнее экскурсионное время...».²⁵ В 1926-1928 гг., однако, в «Пушкинском уголке» происходили перемены к лучшему. Сыграло в этом свою роль, очевидно, и вмешательство К.К.Романова.

К.К.Романов являлся Почетным членом Псковского общества краеведения, ожидался его приезд на 1-й губернский съезд краеведов, состоявшийся в конце февраля 1927 г., но он лишь прислал в его адрес приветственную телеграмму.²⁶ Незадолго до этого в Ленинграде оформилась группа Псковского общества краеведения, и К.К.Романов вошел в ее состав (руководителем группы являлся А.И.Дзенс-Литовский). В 1928 г. она была преобразована в Ленинградское отделение исследователей Псковского края при Ленинградском областном бюро краеведения (ЛОБК), и председателем его стал К.К.Романов.²⁷ Но возглавлял он его недолго, т.к. вскоре его сменил географ В.Р.Соловьев, а с конца 1920-х гг. начался и спад краеведческого движения.

В 1927 г. К.К.Романов вновь возглавил экспедицию по изучению древних построек Пскова – гражданских и церковных, а также древней живописи. Она приехала в Псков в начале сентября 1927 г. и сосредоточила свою работу в древних монастырях – Мирожском, Снетогорском и Сереткинском. «Первые два памятника дают особый тип сооружений, больше в СССР не встречающихся, – отмечал К.К.Романов. – Сереткин монастырь дает

интересные разработки только в Пскове и его районе – систему своеобразных четырех перекрытий». Одновременно в Пскове работала экспедиция по изучению фресок Мирожского и Снетогорского монастырей инспектора Главнауки А.И.Анисимова из Москвы. Обе экспедиции работали в тесном контакте, при участии Псковского музея и местного общества краеведения, они продолжили свою работу и в 1928 г., охватив обследованиями не только монастыри, но и ряд церквей: Никиты Мученика, Николы Каменноградского, Климента, Успения у Пролома, Георгия со Взвоза, а также в Мелетове. Псковские краеведы не могли упустить возможности общения с видными учеными, и по просьбе общества краеведения К.К.Романов 20 сентября 1927 г. выступил в Доме работников просвещения с докладом «Современные задачи изучения крестьянского искусства». В нем он поделился опытом экспедиции в Заонежье и Архангельскую губернию, дал рекомендации по изучению и собиранию памятников словесности, музыкального и изобразительного искусства народа, и особо подчеркнул, что «в этом многое могут сделать краеведческие общества».²⁸

Во время экспедиции состоялось знакомство с К.К.Романовым молодого Юрия Спегальского, тогда еще школьника, принявшего участие в работе экспедиции. Он руководил школьным краеведческим кружком, на заседаниях которого нередко выступали и приезжавшие в Псков известные ученые, в числе их оказался и К.К.Романов. В 1927 г. в сборнике «Познай свой край» появилась первая научная работа Ю.П.Спегальского «Значение памятников древнепсковской архитектуры», ставшая результатом не только любительского увлечения памятниками старины, но и работы в экспедиции.²⁹

Летом 1927 г. были начаты работы по археологическому обследованию Ленинградской области, в следующем, 1928 г. значительно расширившиеся, призванные охватить и районы Псковского округа.³⁰ «Нынешним летом некоторые ленинградские организации намерены провести археологические раскопки в окрестностях Пскова», – сообщала газета «Псковский набат».³¹ Но летом 1928 г. раскопки на Псковщине не состоялись, и только

в начале марта 1930 г. «Псковский колхозник» довел до сведения читателей, что «АИМК в ближайшее время приступит к археологическим раскопкам во дворе Троицкого собора»,³² а в начале июня сообщил, что «в Псков прибыл крупнейший знаток памятников старины древнего Пскова профессор Романов», возглавляющий экспедицию.³³ Но в этот раз ученый приехал лишь для решения организационных вопросов, связанных с началом раскопок, попутно прочитав в экскурсионном бюро города лекцию по истории Пскова и проведя экскурсию в Мирожский монастырь. И только в конце сентября 1930 г. в специальной заметке «Профессор Романов в Пскове» газета писала: «В настоящее время в Пскове находится проф. Романов, руководивший разведочными работами на территории Кремля. Пользуясь прибытием в Псков столь авторитетного знатока истории нашего города, общество краеведения устраивает в Доме работников просвещения цикл лекций о материальной культуре древнего Пскова...».³⁴

Это были первые в послереволюционный период целенаправленные археологические раскопки в Пскове (если не считать раскопок 1927 г. при разборе части стены при строительстве ТЭЦ), хотя и носили они во многом разведочный характер. Результаты их К.К.Романов изложил в специальном докладе «Разведочная раскопка в Псковском кремле в 1930 г.».

Сообщив, что сумма ассигнований была очень небольшой (600 руб.), решено было «выбрать для разведки такое место, которое позволило бы получить наибольшие по значению результаты для дальнейшего исследования путем раскопок». Пришлось отказаться от намерения начать работу в тех местах, где имелся мощный культурный слой и для получения результатов необходима была более широкая площадь раскопа. Поэтому местом раскопок был выбран Кремль, где толщина культурного слоя была меньшей. Раскопки должны были помочь выяснению вопроса о месте древнейшего поселения на территории Пскова и наметить возможности дальнейших работ в Кремле.

Раскопки велись под руководством К.К.Романова и при участии заместителя

директора Псковского музея В.А.Богусевича, аспиранта Н.Н.Воронина и научно-технического сотрудника ГАИМК Л.М.Шуляк. Место для первых раскопок было выбрано близ северо-восточной стороны Кремля, а продолжались они с 14 по 29 сентября 1930 г. Раскопки велись на четырех квадратах площадью 2 x 2 м каждый, а общая площадь раскопа составляла около 20 кв.м. Были обнаружены осколки черепицы, глиняной посуды, поливных печных изразцов, типичных для эпохи не ранее середины XVIII в. В слое пожарища находили следы толстых сгоревших бревен, кованые гвозди и очень большое количество зерна (ржи), – скорее всего, от существовавших в XVII - XVIII вв. в Кремле хлебных амбаров. В слое была найдена также печь, обложенная камнем, угол сруба из двух бревен, глиняный пол, множество черепков глиняной посуды с орнаментом, в отдельной небольшой нише обнаружили свинцовую вислюю печать XIVв. и золоченую пластину от ремня с орнаментом, на полу и на черепках – остатки пищи, костей и чешуи рыб, костей домашних животных. Здесь также встретились кованые гвозди, железная мотыга, железный светец, роговое шильце и др.предметы. Состав слоя показывал, что он образовался не позднее XV в., а в наиболее старых частях восходил к XII в. Следовательно, территория Кремля была заселена во все периоды жизни Пскова, известные по письменным источникам.³⁵

Материалы раскопок были направлены в ГАИМК, и только 2 ноября 1933 г. специальная комиссия с участием К.К.Романова, М.К.Каргера, Н.Н.Воронина и В.А.Богусевича собралась для решения о передаче части их Псковскому музею. К.К.Романов при этом посчитал возможным передать в Псков копию отчета о раскопках, весь обнаруженный вещевой материал, фотокопии, в то время как подлинник отчета, все чертежи и фото должны были остаться в Академии. Тут же он просил Академию командировать его в будущем в Псков «для инструктирования музея при экспозиции раскопных материалов». Участники совещания согласились со всеми этими предложениями.³⁶ Однако в Псковском музее в настоящее время ни материалов раскопок, ни сопровождающих их документов не обнаружено. Возможно, передача по каким-то

причинам либо не состоялась, или же материалы погибли или затерялись при вывозе музейных ценностей в годы Великой Отечественной войны.

Самым негативным образом на развитии исторической науки и краеведческого движения сказалось «Академическое дело» на рубеже 1920 - 1930-х гг., сопровождавшееся массовыми арестами представителей гуманитарных наук, особенно в Ленинграде. К.К.Романова оно миновало, но ряд его знакомых и друзей оказались арестованными или отстраненными от работы. В это же время происходила коренная ломка системы учебных и научных центров, число которых сокращалось вследствие объединения и ликвидации. Резко сократился объем научных и общественных нагрузок К.К.Романова, а те, которые он занимал, по своей значимости не шли ни в какое сравнение с 1920-ми годами: в 1930 - 1933 гг. был лишь старшим архитектором, в 1933 - 1934 гг. – зам.начальника архитектурного бюро Гипрогора и профессором Ленинградского института инженеров путей сообщения, а с 1939 г. – зав.кафедрой истории архитектуры Ленинградского инженерно-строительного института.³⁷ На некоторое время ослабили его связи и с Псковским краем, хотя полностью они не прервались.

В начале 1930-х гг. Дом отдыха «Пролетарий», расположенный на территории бывшего Снеготорского монастыря, развернул кампанию за слом колокольни XVII - XVIII вв., якобы грозившей падением и представлявшей опасность для отдыхающих. Верх этой колокольни был виден из Пскова и придавал пейзажу неповторимый вид, что зафиксировано на дореволюционных открытках. Неоднократно сильные ветры срывали с нее листы железа, затем кровля была повреждена при снятии колоколов, что вызвало осыпание штукатурки. Восстановить эти повреждения не представляло сложности, что показала экспертиза, проведенная в 1932 г. представителем из Москвы, членом Комитета по охране памятников архитектуры Д.П.Суховым и членом ГАИМК архитектором К.К.Романовым. Они подтвердили прочность здания, указали даже способ его починки, причем работы стоили предположительно около 2 - 3 тыс.руб. Но Дом отдыха настаивал на своем и добил-

ся того, что верх колокольни был разобран, здание оказалось испорченным и осталось вовсе без крыши. При этом работы по слому колокольни обошлись гораздо дороже предполагаемого ремонта – около 10 тыс.³⁸ К.К.Романов впоследствии неоднократно упоминал о «бессмысленном варварстве» по отношению к этому памятнику.

В 1934 г. музейный отдел Наркомпроса снова командировал его на Псковщину. Предстояло продолжить работу по обследованию памятников Пскова, а также вновь побывать в Мелетове. Дело в том, что летом предыдущего 1933 г. там побывали сотрудники Псковского музея во главе с В.А.Богусевичем, обнаружившие за древним иконостасом ранее неизвестную надпись, писанную в две строки крупным уставом. Надпись сохранилась неполностью, погибло и ее начало. К.К.Романову предстояло изучить эту находку, как и еще раз древние фрески, продолжив работу, начатую еще в 1920-е гг. Экспедиция произвела расчистку фресковых композиций и установила наличие росписей на всех стенах церкви, покрытых побелкой. В том же году появилась большая (около 70 печатных страниц) статья К.К.Романова «Мелетово как источник истории Псковской земли». В ней автор привел летописные сведения о церкви, ссылки на труды И.И.Василева и Н.К.Богусевича, обобщил и результаты собственных многолетних исследований памятника: дал подробное архитектурное описание, поместил чертежи и зарисовки.³⁹

Одновременно экспедиция вела работы и в Снеготорском монастыре, где удаляла плесень с фресок XIV в. и выявляла новые росписи, а также проводила обследование ряда церквей Пскова и Псковского района – в Виделибье, Торошине и др.⁴⁰ По результатам работ К.К.Романов составил большой доклад и выступил с ним 28 августа 1934 г. на объединенном заседании Президиума Псковского горсовета, райсовета и профсоюзов под названием «Об охране памятников зодчества г. Пскова и о состоянии Псковского музея».

Доклад создает весьма неприглядную картину состояния памятников, большинство которых находилось в неудовлетворительном положении, и почти все требовали ремонта. Получалось, что состояние их за десять про-

шедших лет, о чем тогда уже докладывал К.К.Романов, ничуть не изменилось, а даже ухудшилось: кровли, как правило, текут, цоколи портятся, обмазка отваливается, кладка выветривается. В таком положении, например, находился Мирожский монастырь, изъятый из ведения музея и находившийся в пользовании 1-й Советской больницы и совхоза «Корытово»; на Гремячей горе, вся территория которой являлась охранной, начали рыть яму для сарая, уничтожив часть культурного слоя, а саму церковь хотели превратить в гараж; запущено здание церкви Николая Каменноградского, сданное военному ведомству; на территории Кремля огромной грудой лежит куча мусора от разобранного в 1933 г. Благовещенского собора... «Подобных примеров можно было бы привести очень много, – отмечал К.К.Романов. – Совершенно неправильно и не отвечает действующему законодательству нахождение гражданских сооружений и части церковных вне ведения музея, причем музей не получает даже средств за их использование» (здание «Мешок» занято приемником-распределителем, дом Мейера – в ведении шпагатной фабрики, ряд церквей – у военного ведомства: Климента, Петра и Павла, Георгия со Взвоза и др.). Чаще всего занятые под склады церковные здания не ремонтировались, при закрытии некоторых церквей были уничтожены ценные иконостасы.

К.К.Романов предлагал прежде всего установить регулярный надзор за памятниками... сделать подробное описание состояния каждого из них, ввести в практику периодический их осмотр, добиться передачи всех памятников зодчества в ведение и эксплуатацию Псковского музея, без ведома которого арендаторы не имели права производить какие-либо работы на памятниках, усилить пропаганду охраны памятников, в целях лучшего ознакомления населения с ними установить на памятниках доски с пояснительными тестами, добиться коренного изменения в отношении памятников со стороны местных органов и др.⁴¹

Выступление К.К.Романова не прошло бесследно: власти города и образованного в 1935 г. пограничного Псковского округа повысили внимание к сохранению архитектурных памятников. В связи с тем, что Постановле-

нием ВЦИК РСФСР от 3 декабря 1934 г. комплекс псковских памятников был признан имеющим всесоюзное значение, Псковский окрисполком утвердил уполномоченным по охране памятников искусства, старины, революции, гражданской войны и природы заведующего окрОНО Н.И.Маслова, предложил в срок до 1 июня 1936 г. составить карту памятников Псковского округа, провести их полную паспортизацию и этикетаж. В еще более сжатые сроки – до 1 февраля 1936 г. – рекомендовалось составить список заповедных мест по городу и округу и представить на утверждение Президиума окрисполкома на предмет запрещения в таких местах какого бы то ни было строительства, производства земляных работ, рубки насаждений и др. Одновременно предстояло выявить памятники, не имевшие исторического и научного значения, на предмет возможной их ликвидации.⁴² Как можно заметить, в этом решении окрисполкома нашли свое воплощение и многие предложения К.К.Романова.

Прежде всего, началась передача ряда исторических зданий в ведение музея, который постепенно становился главным «хозяином» памятников города. Так, 7 октября 1935 г. Президиум окрисполкома принял решение «Об использовании хозяйственных и жилых помещений бывшего Мирожского монастыря», которым разграничил владения между 1-й Советской больницей и музеем; 26 ноября 1935 г. он решил передать в ведение музея ряд зданий, подлежавших государственной охране: дома бывш. Яковлева (ул. Советская, 48), Сутоцкого (ул. Советская, 50), Мейера у фабрики «Шпагат», бывшей консистории на Советской площади. В декабре того же года музею был передан закрытый главный храм города – Троицкий собор – для организации там антирелигиозного музея, затем музей получил ряд церквей: Никитскую, Мироносицкую, Михаило-Архангельскую и др.⁴³ Процесс передачи памятников в ведение музея продолжался и в последующем.

Псковский музей не просто принимал памятники в свое ведение, следующим шагом должна была стать их реставрация. Но как признавал директор музея В.Ф.Зыбковец, в музее «руководство работой по охране и

реставрации архитектурных памятников совершенно не налажено, и дело это запущено до крайней степени», в связи с чем он 9 декабря 1935 г. писал К.К.Романову: «Вы являетесь единственным общепризнанным специалистом по истории псковской архитектуры, и только Вы можете должным образом поставить это дело» – и убедительно просил ученого взять на себя «научное руководство делом изучения и охраны архитектурных памятников, находящихся под охраной Псковского музея».⁴⁴

С этого времени работы по реставрации наиболее ценных памятников зодчества проходили при консультациях и под контролем со стороны К.К.Романова. Уже в 1936 - 1937 гг. были проведены большие работы по реставрации Гремячей башни, которой среди прочих памятников уделялось особое значение: на башне была возведена крыша, внутри ее устроили помосты и переходы, укрепили береговую скалу, на р.Пскове устроили ледорез, на площадке у башни высадили деревья и разбили цветники. В 1937 г. велись реставрационные работы и на Покровской башне: ее начали подводить под крышу, в башне устроили бойницы, башня и часть примыкавшей к ней стены подверглись облицовке.⁴⁵

Весной 1937 г. начался капитальный ремонт Поганкиных палат: деревянные перекрытия заменялись железобетонными, часть – новыми деревянными, заново производилась облицовка здания. В марте 1937 г. из Ленинграда специально приехала комиссия архитекторов во главе с К.К.Романовым, которая исследовала второй этаж здания палат для установления характера потолочных перекрытий (по некоторым данным там, как и на первом этаже, ранее были сводчатые потолки, замененные в 1900 г. обычными деревянными): от решения этого вопроса зависел характер ремонтно-восстановительных работ. При производстве ремонта в толще стены Поганкиных палат были обнаружены два потайных хода, ранее неизвестных. На реставрацию только этого памятника было отпущено 190 тыс. руб. Тогда же началась реставрация дома Печенко – другого памятника гражданского зодчества XVII в., исследованием и частичным ремонтом которого К.К.Романов занимался еще в 1920-х гг. В 1937 г. музеем был также отремонтирован

памятник в честь 300-летия обороны Пскова от войск Стефана Батория.⁴⁶ И в то же время в августе 1937 г. уполномоченным по охране памятников Ленинградской области были сняты с государственной охраны, как «не представлявшие исторической ценности», сразу 13 церквей: Успения в Бутырках, Поле Образская, Алексея, Пантелеймона и др.⁴⁷

Комиссия же во главе с К.К.Романовым не только обследовала Поганкины палаты и дом Печенко, но и церкви Николы Каменноградского, Василия на Горке и др., составив подробные проекты их реставрации. На них и развернулись реставрационные работы, общие расходы на которые в 1937 г. возросли до 100 тыс. руб.⁴⁸

Предполагалось, что К.К.Романов вновь возглавит археологические исследования на территории Псковского кремля, которые предстояло возобновить в 1936 г. «Точные данные о времени поселения в Псковском кремле до сих пор отсутствуют, – писала газета «Псковский колхозник». – Восполнить этот пробел призваны раскопки, которые будут производиться нынешним летом в Кремле под руководством профессора, археолога Романова. Археологические раскопки будут производиться, кроме того, в Кобыльем городище, Середкинском районе. Предполагается, что этими раскопками будут исследоваться остатки производственной и материальной культуры эпохи разложения доклассового общества у славян (с V в. до н.э., кончая VI в. н.э.). Приезд Романова ожидается 10 июня».⁴⁹ Но возглавил в 1936 г. археологические раскопки не К.К.Романов, а научный сотрудник ГАИМК Н.Н.Чернягин. Предполагалось, что в следующем 1937 г. руководство раскопками в Кремле снова перейдет к К.К.Романову,⁵⁰ но в том году они в этой древнейшей части Пскова вообще не проводились.

Во исполнение решения окрисполкома и рекомендаций К.К.Романова о более широкой пропаганде памятников, в 1936 г. при Псковском музее был организован лекторий по истории Пскова, а состав лекторов и тематика выступлений были утверждены окружкомом ВКП(б). В числе лекторов значилось и имя К.К.Романова. В том же году на памятниках архитектуры началась установка мемориальных досок.⁵¹

К.К.Романов продолжал заниматься и делами Пушкинского заповедника. Во время посещения им совместно с сотрудником Пушкинского дома М.М.Калаушиным в начале 1930-х гг. они опубликовали ряд статей в «Ленинградской правде» и центральной печати о неблагоприятном положении пушкинских мест. Особенно решительно они выступали за ликвидацию на территории заповедника хозяйственной деятельности, и прежде всего животноводческой фермы у Савкиной горки, за передачу заповедника в ведение Академии наук.⁵² 16 ноября 1933 г. такая передача состоялась, а в 1935 г. по решению Правительства началась подготовка к 100-летию со дня гибели А.С.Пушкина. Одним из важнейших мероприятий в плане этой подготовки было восстановление дома поэта в Михайловском. В 1934 - 1936 гг. проект его восстановления разрабатывал К.К.Романов, о чем он активно переписывался с директором заповедника В.З.Голубевым. К.К.Романов также занимался обследованием паркового хозяйства в Михайловском и остатков усадебного дома в целях выявления возможности восстановления его в первоначальном виде. К.К.Романов при разработке проекта строения опирался на иконографию пушкинского времени, что встретило серьезные возражения, проект его был признан идеологически вредным и не был принят. Дом был восстановлен в 1937 г. по другому проекту, отвечающему идеологии тогдашнего времени.⁵³

А вот мечты и планы К.К.Романова по восстановлению и реставрации памятников архитектуры Пскова, в обобщенном виде сформулированные в 1934 г., все больше воплощались в жизнь. В 1938 г. были завершены работы на Гремячей башне, после чего началась реставрация Михайловской и Петровской башен, Солодежни; по разработанным проектам К.К.Романова и архитектора Халтурина, приезжавших в Псков в 1939 г., начались работы по реставрации дома Яковлева-Сутоцкого (ул. Советская, 50), где под руководством Ю.П.Спегальского были заменены потолочные перекрытия и укреплены стены; был укреплен коколь и часть стены у Покровской башни.⁵⁴

В 1940 г. К.К.Романов во главе экспедиции, в состав которой кроме него входили начальник областного отдела охраны памят-

ников Максимов и архитектор Халтурин, снова приехал в Псков. Комиссия дала свои заключения по итогам проведенных в 1939 г. реставрационных работ и наметила планы на 1940 г. Решено было приступить к реставрации башни Кутекрома и Загряжского захаба, продолжить работы на доме Яковлева.⁵⁵ Работы на башне Кутекрома развернулись в июне 1940 г., был найден ранее неизвестный вход в башню со стороны «Решеток», укреплены слабые места кладки; на Покровской башне восстановили северо-западную галерею, укреплена была юго-западная часть дома Сутоцкого, куда предстояло переместить библиотеку музея.⁵⁶ Библиотека к этому времени насчитывала уже 28 тыс. томов, услугами ее пользовались не только сотрудники музея, но и иногородние специалисты. Пользовался ее книгами во время приездов в Псков и К.К.Романов.⁵⁷

Аналогичным образом, как и в 1940 г., комиссия во главе с К.К.Романовым (в состав ее входили Максимов и Спегальский) побывала в Пскове в марте 1941 г.: в течение двух дней она принимала работы по реставрации, проведенной в 1940 г., и наметила задачи на 1941 г.⁵⁸

Это был последний приезд К.К.Романова в Псков. С началом Великой Отечественной войны он остался в блокадном Ленинграде и скончался от дистрофии 26 января 1942 г. в госпитале № 109. Его богатейший документальный фонд хранится в архиве Института Истории материальной культуры в С.-Петербурге, а многие книги обширной библиотеки в послевоенные годы оказались в Пскове. Библиотека К.К.Романова в феврале 1945 г. была приобретена отделом по делам архитектуры при Псковском облисполкоме и перевезена архитектором-реставратором Ю.П.Спегальским из Ленинграда в Псков. В 1947 г. распоряжением Псковского облисполкома часть книг (более 4300 изданий общего научно-исторического характера), «практического значения для отдела по делам архитектуры в повседневной работе не имеющая», была передана в Псковскую областную библиотеку.⁵⁹ Часть книг оказалась утраченной по ветхости, другие переданы на хранение в Псковский музей и другие библиотеки, и в настоящее время книжный фонд К.К.Романова в Псковской

областной универсальной научной библиотеке насчитывает более 2800 единиц 1771 - 1941 гг. издания: в основном книги по русской и за-

рубежной истории, археологии, искусству, архитектуре, истории церкви, старопечатные издания XVIII - XIX вв.

Примечания

- ¹ Архив СПб ИИМК РАН. Ф.2, оп.3, д.569, лл.30-31; арх. №1379. лл.1-2; *Михельсон Т.Н.* Изборск. Исторический очерк. Псков. 1958. С.107
- ² Архив СПб ИИМК РАН. Ф.29, д.809, л.2
- ³ Труды Псковского археологического общества. Вып.11. 1914-1915 гг. Псков. 1915. Сс.185-186
- ⁴ Труды ПАО. Вып.12. 1915-1916 гг. Псков. 1916. Сс.60-62
- ⁵ Известия Государственной археологической комиссии 1918 г. № 66; Полностью опубликовано: Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Вып.2. Псков. 2002. Сс.37-40
- ⁶ Архив СПб ИИМК РАН. Ф.29. д.809. л.4
- ⁷ Труды ПАО. Вып.12. 1915-1916 гг. С.76
- ⁸ *Селиверстов Ю.* Не быть провинциальной обочиной современности //Псковская губерния. № 32(401). 13-19 августа 2008 г. С.15
- ⁹ *Длужневская Г.В.* Материалы фотоархива ИИМК по Пушкинским Горам и заповеднику «Михайловское» (фонд архитектора К.К.Романова) //Михайловская пушкиниана. Вып.19. М., 2001. Сс.211-215
- ¹⁰ ГАПО. Ф.1767, оп.2, д.2, л.25
- ¹¹ Архив СПб ИИМК РАН. Ф.29, д.111, лл.9-10
- ¹² Псковский набат. 1921. 29 сентября
- ¹³ Архив СПб ИИМК РАН. Ф.29, д.66, лл.8-10
- ¹⁴ Экскурсионное дело. 1921. № 2-3. С.197
- ¹⁵ Архив СПб ИИМК РАН. Ф.29, д.116, лл.1-2
- ¹⁶ Там же. Д.135. лл.1-2
- ¹⁷ *Романов К.К.* Мелетово как источник истории Псковской земли //Проблемы Истории докапиталистических обществ. 1934. № 9-10. С.144
- ¹⁸ Архив СПб ИИМК РАН. Ф.29, д.1211, л.1
- ¹⁹ Псковский набат. 1926. 2 декабря; 1928. 1 сентября 2008 г.
- ²⁰ Например: Псковский набат. 1925. 30 сентября; 1926. 23 марта
- ²¹ Михайловская пушкиниана. Вып.3. М., 1999. Сс.86-87
- ²² Псковский набат. 1927. 17 июня, 19 июля
- ²³ Псковский набат. 1926. 1 сентября
- ²⁴ Известия РАИМК. Т.IV. Л., 1925. Сс.210-211
- ²⁵ Известия Центрального бюро краеведения. 1926. № 5. С.140
- ²⁶ Псковский набат. 1927. 24 и 27 февраля
- ²⁷ Советское краеведение. 1930. № 10. С.30; Псковский набат. 1929. 17 января
- ²⁸ Псковский набат. 1928. 6 июня, 5 сентября; 1927. 4, 22 и 27 сентября
- ²⁹ Познай свой край. Сборник Псковского общества краеведения. Вып.3. Псков. 1927. С.115
- ³⁰ Псковский набат. 1928. 24 августа
- ³¹ Псковский набат. 1928. 22 мая
- ³² Псковский колхозник. 1930. 7 марта
- ³³ Псковский колхозник. 1930. 8 июня
- ³⁴ Псковский колхозник. 1930. 25 сентября
- ³⁵ ГАПО. Ф.1767, оп.2, д.2, лл.1-9; В сокращении опубликовано: Псковские хроники. Историческая газета. 2002. № 3(36)
- ³⁶ ГАПО. Ф.1767, оп.2, д.2, лл.10-11
- ³⁷ Михайловская пушкиниана. Вып.19. С.214
- ³⁸ ГАПО. Ф.1767. оп.2. д.2. л.13
- ³⁹ Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9-10
- ⁴⁰ Псковский колхозник. 1934. 6 сентября
- ⁴¹ ГАПО. Ф.1767, оп.2, д.2, лл.14-24; Опубликовано в сокращении: Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Вып.3. Псков. 2003. Сс.141-143
- ⁴² ГАПО. Ф.324, оп.1, д.391, лл.195-196

- ⁴³ ГАПО. Ф.324, оп.1, д.390, л.31; д.399, лл.109,133,268
⁴⁴ Архив СПб ИИМК РАН. Ф.29, д.1129, л.1
⁴⁵ Псковский колхозник. 1936. 21 марта, 1 апреля, 20 и 24 сентября; 1937. 6 января; 1938. 6 июля
⁴⁶ Псковский колхозник. 1937. 1, 14 и 28 марта, 22 ноября
⁴⁷ Псковский колхозник. 1937. 12 августа
⁴⁸ Псковский колхозник. 1937. 3 апреля
⁴⁹ Псковский колхозник. 1936. 28 марта
⁵⁰ Псковский колхозник. 1937. 15 июня
⁵¹ Псковский колхозник. 1936. 20 и 22 марта, 20 апреля, 20 октября
⁵² Пушкинская энциклопедия «Михайловское». Т.1. Село Михайловское - Москва. 2003. С.370
⁵³ Там же. Сс.380-381, 386
⁵⁴ Псковский колхозник. 1939. 26 мая
⁵⁵ Псковский колхозник. 1940. 18 апреля
⁵⁶ Псковская правда. 1940. 9 и 22 октября
⁵⁷ Псковская правда. 1940. 23 октября
⁵⁸ Псковский рабочий. 1941. 12 марта
⁵⁹ ГАПО. Ф.1767, оп.1, д.19, л.1; д.2, л.5

Автор выражает сердечную благодарность сотрудникам сектора редкой книги Псковской областной универсальной научной библиотеки И. М. Андреевой и О. Ю. Даниленко за предоставленную возможность использования копий из архива ИИМК РАН, хранящихся в фонде библиотеки